

Предупреждение: небольшое упоминание о самоубийстве.

Тан Цу передал Линь Лану папку с надписью «АВТО» и сказал:

- Здесь все страховые документы и налоговые счета на автомобиль. А это ключи.

- Я не буду каждый день пользоваться машиной, - Линь Лан забрал папку с ключами. - К тому моменту, когда я найду парковку около университета, половина занятия пройдет. Но я буду ездить на ней каждые выходные. Нехорошо, если она все время будет находиться на стоянке.

- Все в порядке. Спасибо, извини за беспокойство.

- Ты и правда интересный человек. Одалживаешь кому-то свой дом и машину - и все равно говоришь ему: «Извини за беспокойство»? Линь Лан помахал бумагами, которые держал в руках. - Ты что, не знаешь, что с этим я могу продать дом без твоего ведома?

Тан Цу немного подумал и искренне ответил:

- Тоже нормально. Такая маленькая сумма денег меня не волнует. Я знаю, что она не волнует и тебя.

Линь Лан проглотил язык. Ему и правда приходилось редко задумываться о деньгах. Благодаря положению семьи Линь Лану не приходилось беспокоиться о расходах на жилье, но Тан Цу... Линь Лан подумал, что понятия не имеет об источнике его дохода. Линь Лан жил здесь уже почти два месяца, но никогда не видел, чтобы Тан Цу выходил из дома, кроме как для того, чтобы купить продукты и предметы повседневной необходимости.

Линь Каншэн - отец Линь Лана - и отец Тан Цу поддерживали в Китае деловые контакты. Хотя они знали друг друга несколько лет, их семьи близки не были и мало что знали друг о друге. Линь Лан познакомился с Тан Цу только через месяц после того, как приехал в Америку.

Будучи несовершеннолетним*, Линь Лан столкнулся с множеством трудностей, пытаясь снять в Америке жилье. [Прим. англ. пер. Совершеннолетие в Америке наступает в 21 год. В Китае совершеннолетие для парней наступает в 22 года, для девушек в 21.] Младший брат Тан Цу, Тан Ци, был хорошо знаком с семьей Линь, поэтому связался с братом, который жил в том же городе, что и Линь Лан. Предыдущий квартирант Тан Цу только что съехал, поэтому Линь Лан с однокурсником, который тоже был из другой страны и тоже искал жилье, смогли к нему вселиться. Вот так Линь Лан встретил старого приятеля, с которым был практически незнаком. Хотя они неплохо ладили, и между ними не возникало особых разногласий, жили они вместе всего лишь месяц.

Тем не менее, Тан Цу доверил Линь Лану все свое имущество, даже не зная, когда вернется в Америку.

- Подожди-ка секунду, - сузил свои глаза феникса Линь Лан, - ты же не думаешь покончить с собой, верно?

Он не стал ходить вокруг да около и сказал прямо:

- Мне всегда казалось, что у тебя какие-то психологические проблемы типа депрессии или чего-то в этом роде. Давай-ка проясним этот вопрос: если ты готовишься к смерти, то я не соглашусь взять эти вещи. Слишком хлопотно со всем этим разбираться.

- У меня нет депрессии, - спокойно ответил Тан Цу. - Я просто возвращаюсь в Китай.

Он подумал, что, должно быть, доверить свой дом и машину другому человеку без каких-либо объяснений кажется совершенно неразумным. Поэтому он добавил:

- Моя мать... может быть, уже слишком поздно.

- О? Слишком поздно? Ты серьезно? - с любопытством спросил Линь Лан, выдвинул стул и уселся послушать с выражением заядлого сплетника на лице.

- На этот раз это правда. Я просмотрел отсканированную копию медицинского заключения, которое она мне прислала, - спокойно сказал Тан Цу. - Это рак. Они выяснили это слишком поздно, и все дошло до стадии, когда они пытаются всего лишь продлить ей жизнь.

- Ах, какая жалость, - небрежно ответил Линь Лан, даже не пытаясь притворяться сочувствующим. - Тогда зачем ты делаешь такое унылое лицо?

Тан Цу и Линь Лан были родом из одного города - Дунлина. В мегаполисе с населением в десять миллионов человек элита, состоявшая зачастую из представителей одних и тех же семей, контролировала девяносто процентов ресурсов. Будучи старшим молодым господином перворазрядного аристократического семейства, Линь Лан, естественно, слышал множество сплетен, включая старые новости, которые распространяла сама мать Тан Цу в течение нескольких лет: ее старший сын, Тан Цу, забрал из компании своего отца крупную сумму денег, бросил своих родителей и младшего брата и улетел в Америку, чтобы наслаждаться жизнью.

Мать Тан Цу постоянно плакалась на публике из-за поступков своего бессердечного старшего сына. Она принимала от слушателей сочувствие и негодование за то, что стала матерью, тяжкий труд которой так и не был вознагражден. Однако она не знала о том, что всякий раз становилась предметом насмешек на послеобеденных чаепитиях аристократок. Она и не могла этого узнать - несмотря ни на что, женщины из старинных семейств, с юности получившие элитное образование, никогда не пригласили бы в свою компанию такую домохозяйку, как она, закончившую только среднюю школу.

Линь Лан задал этот вопрос только потому, что знал о том, что у Тан Цу были ужасные отношения с его семьей. Тан Цу нахмурился, собрался с мыслями и медленно произнес:

- Будет много проблем, и мне придется встретиться со многими людьми. Я... Мне такое не нравится.

Видимо, Линь Лан не обратил внимания на это «не нравится» или сильно недооценил его степень. Он махнул рукой и сказал пренебрежительным тоном:

- Тогда просто не едь домой. Возможно, ты не знаешь, как широко разошлись там слухи о тебе, но я вырос, слушая историю о том, как ты бросил своих родителей. Хотя я не знаю, откуда ты теперь берешь деньги, но, похоже, ты финансово независим, а это значит, что они не могут тебя удержать.

- Я должен вернуться, - решительно ответил Тан Цу. - Она может умереть в любой момент.

- So? - Линь Лан пожал плечами. - И какое отношение это имеет к тебе?

Тан Цу посмотрел на восток и четко произнес:

- Я должен увидеть, как она умрет, своими собственными глазами. [Прим. англ. пер. Китай по отношению к США находится на востоке.]

Закончив инструктаж Линь Лана по поводу дома и машины, Тан Цу вернулся в свою комнату и увидел на экране подпрыгивающую аватарку «Никакого кориандра!» Мрачное настроение, царившее в последнюю пару дней, тут же улучшилось, и он открыл окно чата.

Пянь Юй: Чжу Шень, смотри, смотри, смотри

Пянь Юй: [картинка].jpg [картинка].jpg [картинка].jpg

Пянь Юй: Это такаояки у входа в наш университет.

Пянь Юй: Мы с соседом по комнате последние два дня через стену универа лазили, только чтобы их поесть.

Пянь Юй: Это реально вкусно! И там всегда открыто, как бы ни было поздно.

Пянь Юй: Я не просто так хвастаюсь, такаояки у входа в университет Дунлин - точно самые

вкусные во всем городе!

Пянь Юй: Точно, ты ведь тоже из Дунлина.

Пянь Юй: Когда ты вернешься в Китай

Чжу Цуншен: Послезавтра

Лу Ляньгуан застыл перед своим компьютером. Он еще не успел напечатать вторую половину предложения: «Приходи ко мне в универ, и я тебя угощу». Быстро удалив эту часть, он тут же вместо нее напечатал цепочку вопросительных знаков.

Пянь Юй: Что?????

Чжу Цуншен: Я возвращаюсь в Китай послезавтра.

Пянь Юй: Правда?!

Пянь Юй: Послезавтра выходной! У меня нет занятий! Я могу встретить тебя в аэропорту!

Чжу Цуншен: Хорошо.

Пянь Юй: ?????

Пянь Юй: ????????????

Тан Цу в растерянности смотрел на экран, заполненный вопросительными знаками. Он был неправ, когда это сказал? Пянь Юй просто пошутила?

Аэропорт располагался далеко от города, а университет находился на его противоположном конце. Он знал, что Пянь Юй была студенткой университета Дунлин, так что вряд ли поехала бы так далеко только ради человека, которого раньше никогда не встречала.

Что мне делать, почему я так опрометчиво согласился... Может, мне быстренько сказать ей, что я пошутил?.. Пока он нервничал и переживал, прозвучала цепочка сигналов уведомлений.

Пянь Юй: Ты согласен???

Пянь Юй: Правда???

Пянь Юй: Я иду на встречу с Чжу Шенем!!!!

Пянь Юй: ААААААА, обожемой!!!!

Пянь Юй: Во сколько твой рейс? Когда ты прилетаешь?

Тан Цу с облегчением глубоко вздохнул. Когда он увидел, что Пянь Юй по-прежнему отправляет ему сообщения и пишет, как она взволнована, из его сердца ушла тревога.

Он достал билет на самолет, чтобы проверить данные и уже собрался ввести их в диалоговое окно, как вдруг вспомнил, что два дня назад Пянь Юй написала: «Даже посмотреть на твои руки будет здорово!»

Если вы регулярно поддерживаете связь в социальных сетях только с одним человеком, вам трудно будет забыть хотя бы одну его фразу. И для Тан Цу само существование Пянь Юй было таким же ценным и важным, как и само значение ее ника. Включить камеру и микрофон на таком крупном мероприятии, как живая трансляция празднования юбилея издательства для Тан Цу было слишком сложно. Но если увидит только Пянь Юй... Он поступил так, как ему не было свойственно: включил камеру телефона и отправил фото своей руки, державшей билет на самолет. [Прим. англ. пер. Ник Лу Ляньгуана является частью идиомы 小片 (jí guāng piàn yǐ), которая является и названием этой главы. Эта идиома буквально переводится как «Маленький кусочек меха Цзи Гуана». Цзи Гуан - мифический зверь из «Разных записей западной столицы», шуба из его меха не утонет в воде и не сгорит в огне. Идиома употребляется по отношению к чему-то, что похоже на остатки драгоценной культурной реликвии. В данном контексте Тан Цу говорит, что Пянь Юй подобен меху Цзи Гуана, драгоценному и важному.]

Тан Цу подумал о письме матери, в котором та принуждала его вернуться в Китай из-за ее неизлечимой болезни. Этот вопрос камнем лежал у него на сердце. Своим квартиросъемщикам он казался таким же спокойным, как обычно, но только он сам знал, что его умственное и душевное состояние в последние два дня пребывало на грани срыва.

И в этот момент Пянь Юй, самый преданный читатель и единственный друг, внезапно

появилась в его темном и мрачном мире... словно луч света.

Тан Цу знал, что его мысли ненормальны, но контролировать себя он не мог. Он искренне надеялся, что сможет исполнить желания Пянь Юй, как бы трудно ему не было. Это происходило потому, что только восторженные ответы Пянь Юй могли дать ему ясное чувство, что он тоже кому-то нужен.

Я тоже нужен. В темной комнате бледный флуоресцентный свет от экрана освещал лицо Тан Цу. Окно чата быстро двигалось, пока Пянь Юй выражала свое удивление и волнение по поводу фото, на котором виднелось запястье Тан Цу. Он медленно положил руку на грудь, прислушался к доказательствам того, что он все еще жив, и выдавил улыбку.

В это мире я все еще нужен кому-то. Я не чудовище.

Я прав. Ты ошибаешься... мама.

Переводчику есть что показать: Те самые уличные такояки!

<http://bllate.org/book/13908/1225758>